

— Хорошо, мы сделаем так, как скажет Фэйфэй, — произнёс Линь Сынянь, продолжая выбивать дробь на своём барабане, но в то же время находя возможность ответить брату. — Речь пойдёт о Фэйфэе. Когда все соберутся, я расскажу подробнее.

Услышав ответ Линь Сыняня, все, кто до этого лениво слонялся по комнате, мгновенно оживились. Линь Госюн обогнал Линь Цзинли и, приблизившись к Линь Сыняню тигриной походкой, обернулся и поторопил остальных:

— Быстрее! Что вы копошитесь, как будто не ели?

Через две минуты за обеденным столом, который временно превратился в стол для совещаний, сидели: Линь Сынянь, Линь Цзинли, Линь Гошэн, Линь Госюн, Линь Гохун, Ян Юйин и Линь Юйцин, который сегодня отдыхал, сменив на дежурстве старшего брата Линь Тяньюаня.

Учитывая, что Ли Сюй не раз и не два протестовал против скрытности Линь Сыняня, утверждая, что он, как крёстный отец, имеет право знать о состоянии Фэйфэя, а также то, что он взял на себя вину за столь крупный скандал, Линь Сынянь на этот раз, к удивлению многих, проявил совесть и оставил для него место.

На этом месте стоял телефон. Ли Сюй не успевал приехать лично, поэтому участвовал в совещании по видеосвязи.

Второе семейное собрание было официально открыто.

Линь Сынянь, как инициатор, естественно, начал первым излагать суть дела.

Сложив руки на столе, он произнёс:

— Дело вот в чём...

Пока Линь Сынянь рассказывал, почти все одновременно достали телефоны и начали искать информацию о Вэнь Цюе. Линь Госюн оказался самым проворным. Он начинал свой путь с охранного бизнеса, и его компания «Хэйянь» часто занималась сбором информации о клиентах, так что это было для него профильным делом.

Он тут же позвонил в «Хэйянь» и приказал хакерам всё разузнать.

Вэнь Цюй полагал, что семья Линь — это обычная семья, но он и представить себе не мог, что «папа», «дядя» и «старший дедушка» маленького мальчика перевернут всю его подноготную. Возможно, уже завтра утром они будут знать даже цвет нижнего белья, в котором он звонил

Линь Сыняню.

Вскоре Линь Сынянь закончил свой рассказ и подытожил:

— Вэнь Цюй сейчас находится в подвешенном состоянии. У нас есть два основных варианта. Первый — согласиться. Второй — отказаться и уничтожить запись.

С этими словами Линь Сынянь слегка сжал руку в кулак.

Как он и говорил ранее, хотя слова Вэнь Цюя его и тронули, главным для него оставался Фэйфэй. Он не мог допустить, чтобы малышу был причинён хоть малейший вред.

Поэтому его слова о том, что он «подумает», были наполовину искренними, а наполовину — уловкой. Разве мог музыкант, пусть и из другой сферы, так легко раскусить актёрское мастерство киноимператора?

Мир не нуждается в спасении трёхлетним ребёнком. Спасение мира — это дело взрослых. А дети должны просто радоваться жизни и ходить в детский сад.

Таково было неизменное мнение Линь Сыняня, и остальные члены семьи Линь его полностью разделяли.

Затем все по очереди высказали своё мнение, и в основном все были против.

Наконец, Линь Цзинли, до этого хранивший молчание, после долгой паузы произнёс нечто, удивившее всех:

— Когда Фэйфэй вернётся, давайте спросим его мнение.

Что?

Линь Сынянь был поражён. Такие демократичные слова — и из уст диктатора и маньяка-контролёра Линь Цзинли?

Линь Цзинли поправил очки, игнорируя удивлённые взгляды, и продолжил:

— Говорят, что в три года виден характер человека, а в семь — его судьба. Иногда в этом есть доля правды. Нужно понять, захочет ли Фэйфэй в будущем быть публичной личностью. Если и после переходного периода он останется таким же, то к некоторым вещам нужно готовиться уже сейчас. Лучше взять все перемены под свой контроль с самого начала, чем быть застигнутыми врасплох кем-то извне.

Если спросить любого, кто знает семью Линь, являются ли они бескорыстными добряками, тот, скорее всего, посмотрит на вас как на идиота.

Единственным исключением в семье Линь был Фэйфэй. Этот малыш был до невозможности мягкосердечным, словно нежный, соблазнительный паровой пирожок с молочной начинкой, который так и хотелось укусить.

Сейчас Фэйфэй ещё мало что понимал в окружающем мире, но даже после той прогулки с Линь Гохуном он был немного подавлен пару дней. Если он, повзрослев, останется таким же, Линь Цзинли был уверен, что с большой долей вероятности он попадёт в шоу-бизнес, в центр всеобщего внимания.

У малыша было слишком чистое и отзывчивое сердце. Стоило кому-то страдать на его глазах, и он не мог не протянуть руку помощи.

Повлиять на их решения мог только этот ничего не понимающий, но заставляющий о себе беспокоиться малыш.

Линь Гошэн, вдумавшись в слова Линь Цзинли, в конце концов со вздохом уступил:

— Эх, иногда я думаю, было бы лучше, если бы Фэйфэй по характеру был как Линь Хань в детстве.

Линь Сынянь пожал плечами:

— Характер у Линь Ханя в детстве был что надо. Я его бил раз в пять дней, а Линь Цзинли, как отец, был добрее — раз в полмесяца.

Действительно, отличный характер.

Линь Госюн отвёл взгляд от телефона. Он только что просмотрел информацию, присланную из «Хэйянь».

— Вэнь Цюй... Сынянь, тебе всё же стоит его попридержать... обмануть. Он раньше был клиентом «Хэйянь». Три года назад он кого-то обидел, и тот человек пригрозил закатать его в бетон и утопить в море. Он обратился в «Хэйянь» с просьбой о защите на некоторое время. Поэтому у нас сохранились его данные. В целом, он не плохой человек, ему можно доверять.

Все по очереди взяли телефон Линь Госюн и просмотрели досье.

***

Детский сад.

Лян Ханьюй под улюлюканье друзей снова демонстрировал своё умение менять голос. Сейчас он чувствовал себя так, будто вернулся во времена съёмок шоу и работы в съёмочной группе.

Стоило кому-то вспомнить, как его тут же тащили: «А ну-ка, покажи ещё разок! Ещё разок!»

А Цуй Юань и вовсе придумал себе идею фикс: с самого начала учебного года он неотступно следовал за Лян Ханьюем, умоляя взять его в ученики.

Лян Ханьюй, устав от его назойливости, решил: учить одного или учить всех — какая разница. Так что он согласился заниматься со всеми желающими.

И вот это «обучение» продолжалось с самого начала учебного года и до сих пор.

У горки в детском саду раздавался раздражённый голос Лян Ханьюя:

— Не так! Ты должен опустить голос, а потом сделать поворот, понятно? Почему ты такой глупый?

Лян Ханьюй был самоучкой, к тому же, будучи маленьким, он не обладал богатым словарным запасом. Его объяснения были весьма абстрактными.

Что-то вроде «опусти пониже», «поверни», «а теперь покрути». Услышав это, Чжан Сяоху так разволновался, что тут же исполнил танец, в точности следуя инструкциям.

Это ещё больше разозлило Лян Ханьюя.

— Я говорю про голос! А не про то, чтобы ты сам крутился! К тому же, Чжан Сяоху, ты ужасно танцуешь.

Вообще-то, винить Чжан Сяоху было не в чем. Научиться менять голос, как Лян Ханьюй, было действительно сложно.

Эти дети, втайне от взрослых, затеяли странную игру: один смело учил, другие смело учились. Лян Ханьюй был одарён от природы, поэтому с ним всё было в порядке. Но если бы Цуй Юань и Чжан Сяоху действительно научились этому, то, не понимая, что к чему, могли бы начать баловаться, и кто знает — может, научившись менять голос, они забыли бы свой собственный, а в худшем случае и вовсе повредили бы связки.

Так что, к счастью, никто из них так и не научился.

Фэйфэй и Чу Сяохань, держась за руки, стояли в стороне и наблюдали, как этот горе-учитель негодует на своих бестолковых учеников. Фэйфэй приложил ладошку к своей шее, ощущая вибрацию голосовых связок, и серьёзно сказал Чу Сяоханю:

— Братик Сяохань, у Фэйфэя в шее маленькая колонка.

Фэйфэй трогал дома колонки, и когда играла музыка, они вибрировали так же, как его горло, когда он говорил, — «бззз-бззз».

Цуй Юань был непоседой. Он и Чжан Сяоху столько времени мучились под руководством Лян Ханьюя, что уже выучили целый танец, а голос так и не изменился. Терпение его быстро иссякло.

— Это слишком сложно! Так никто не научится! Ты нас обманываешь, я больше не буду учиться.

Он совсем забыл, кто сам же умолял Лян Ханьюя взять его в ученики.

Лян Ханьюй фыркнул.

— Вовсе не сложно, это вы слишком глупые. Я же так понятно объясняю, учу самому простому: сначала вдохни, опусти, потом покрути, поверни и подпрыгни. Фэйфэй уже давно научился, а вы, тупицы, всё никак не можете и ещё жалуетесь, что я сложно учу.

— Что? Фэйфэй научился?! — Чжан Сяоху, который до этого вяло лежал на горке, мгновенно подскочил.

На лице Цуй Юаня читалось явное недоверие: «Ты наверняка меня обманываешь».

Лян Ханьюй тут же гордо выпятил грудь и сказал Фэйфэю:

— Фэйфэй, покажи этим двум дуракам. А то они мне не верят.

Фэйфэй мысленно повторил «танцевальную инструкцию» Лян Ханьюя.

— Ююй не обманывает, это очень просто. Фэйфэй ещё и петь может.

Первую половину фразы он произнёс своим обычным голосом, но во второй его голос начал претерпевать едва заметные изменения. Обычный голос Фэйфэя был сладким и нежным, что в сочетании с его внешностью создавало образ чистойшей милоты.

Но стоило ему изменить голос, и даже не видя его, можно было сказать: чертовски мило!

В любом случае, какая разница между сливочным пирожным и пирожным с кремовой начинкой? Разница есть, но главное, что оба сладкие!

Был, правда, один нюанс, о котором Чу Сяохань, стоявший рядом с Фэйфэем, не знал, стоит ли говорить.

Малыш, который и так пел немного фальшиво, теперь, кажется, фальшивил ещё больше.

Сам ребёнок этого совершенно не замечал и продолжал мило петь, покачивая в такт головкой и хлопая в ладоши:

— Сияй, сияй, маленькая звёздочка, как мне интересно, кто ты...

Допев, Фэйфэй с некоторой неудовлетворённостью посмотрел на Лян Ханьюя.

— Ююй, Фэйфэй хочет голос, как у братика Сяоханя. Можно?

Довольное выражение на лице Лян Ханьюя сменилось разочарованием, взгляд, которым он смотрел на своего любимого ученика, мгновенно изменился. Он без колебаний покачал головой:

— Забудь, это слишком сложно.

Фэйфэй тут же надул щёчки, отчего его и без того пухлое личико стало ещё более аппетитным. В следующую секунду три руки от разных владельцев потянулись, чтобы ущипнуть его за щёчку, но были перехвачены на полпути предусмотрительным Чу Сяоханем.

После окончания занятий в детском саду за Фэйфэем, как обычно, приехал Линь Сынянь. В машине он взял у малыша его рюкзачок и, по обыкновению, завёл разговор:

— Фэйфэй, что сегодня было интересного в детском саду?

Фэйфэй, усевшись в детское кресло, задумался.

— Сегодня Ююй учил всех менять голос. Юаньюань, Сяоху и братик Сяохань не смогли. Только Фэйфэй научился.

Говоря это, малыш незаметно выпятил свою маленькую грудь.

— Менять голос? — переспросил Линь Сынянь с ноткой удивления в голосе.

— Папа, — это слово Фэйфэй произнёс своим обычным голосом, а затем повторил его, но уже изменённым.

Затем малыш исполнил для Линь Сыняня песню: сначала «Ласточку», а потом «Звёздочку», которую они только сегодня выучили с воспитательницей.

Как только Фэйфэй запел, Линь Сынянь, словно что-то сообразив, тут же включил на телефоне диктофон. «Ласточку» он записать целиком не успел, а вот «Звёздочку» записал полностью.

Закончив запись, Линь Сынянь серьёзно сказал:

— Фэйфэй, а теперь поговори с папой своим обычным голосом.

— Папа, Фэйфэй хорошо спел? — малыш легко переключился на свой обычный голос.

Линь Сынянь кивнул.

— Хорошо.

Но затем добавил:

— Фэйфэй, постарайся больше не говорить тем голосом, хорошо?

— Почему? — с недоумением посмотрел на папу малыш.

Линь Сынянь объяснил ему:

— Потому что если ты будешь долго так говорить, то можешь забыть свой собственный голос. Или, например, будешь говорить, обрадуешься, и голос сам изменится.

Линь Сынянь с некоторым отчаянием подумал об этих талантливых детях. Хорошо, что он сегодня это заметил. Иначе через несколько дней, когда Лян Ханьюй довёл бы Фэйфэя до того, что тот потерял бы свой собственный голос, вот тогда была бы настоящая головная боль.

Не говоря уже о таких детях, как Фэйфэй, даже среди тех, кто профессионально учится менять голос, нередко встречаются случаи, когда люди в процессе обучения теряют свой природный тембр.

Услышав слова папы, Фэйфэй испуганно прикрыл рот рукой и замотал головой, как волчок.

— Фэйфэй больше не будет. Фэйфэй не хочет забывать, как говорить.

Но, перестав бояться, малыш задал новый вопрос:

— Папа, а почему у Ююя голос не меняется?

— Потому что у него это от природы, — объяснил Линь Сынянь на понятном для ребёнка языке. — Это как у Фэйфэя: его все любят, это его дар, этому не нужно учиться. Умение Ююя менять голос — это тоже его дар, он этому не учился.

Глазки сидевшего в кресле малыша тут же заблестели. Он радостно захлопал в ладоши.

— Дар Фэйфэя — хороший! Фэйфэю нравится его дар.

Фэйфэй решил, что больше не завидует голосу Ююя, который может меняться. Свой ему нравится больше.

— Поэтому нельзя быть жадным, правда? У Фэйфэя есть один дар, и не нужно хотеть дар Ююя.

Фэйфэй был ребёнком, которому для счастья нужно было совсем немного.

Этот малыш обладал удивительной способностью — от простого разговора с ним сердце невольно таяло.

Линь Сынянь потрепал его по голове и нежно сказал:

— Фэйфэй прав.

Вернувшись домой, Фэйфэй сначала по очереди со всеми обнялся, а потом побежал к своему рыжему котёнку.

Котёнок заметно подрос с тех пор, как появился в доме. Фэйфэй, обняв его, с тревогой сказал:

— Панпан, если ты будешь и дальше так толстеть, Фэйфэй не сможет тебя носить.

Кличку котёнку — Панпан — дал Линь Сынянь.

Тогда он сказал так: «Говорят, рыжие коты все толстые, так что пусть будет Панпан. Может, Панпан поможет и нашему Фэйфэю побыстрее набрать вес».

Из-за этого довода кличка Панпан была единогласно одобрена всей семьёй.

И рыжий котёнок не подвёл надежд, возложенных на него семьёй Линь: он действительно набирал вес быстрее, чем Фэйфэй!

Фэйфэй всё ещё сокрушался, а рядом уже подошёл Линь Цзинли. Он не стал усаживаться для долгого разговора, а просто, как бы невзначай, спросил:

— Фэйфэй, у дяди есть одна трудная задачка. Поможешь дяде выбрать решение?

Надо же, дядя столкнулся с трудностями и просит его о помощи! Малыш почувствовал свою важность и тут же с полной серьёзностью заявил:

— Фэйфэй поможет дяде хорошо выбрать!

Линь Цзинли поднял Фэйфэя вместе с котёнком и сел.

— Задачка вот такая. Представь, что это ты, Фэйфэй, и у тебя есть два выбора. Первый: ты можешь сделать что-то, что, возможно, поможет некоторым людям, но если другие об этом узнают, у тебя могут быть проблемы. Второй выбор: ничего не делать. Проблемы тоже могут быть, но вероятность этого меньше, чем в первом случае.

Фэйфэй изо всех сил старался сделать вид, что всё понял. На самом деле он не совсем понял, что такое «вероятность».

Но дядя так в него верит, Фэйфэй не может его подвести.

Подумав немного, Фэйфэй выдал ответ, который показался ему самым лучшим:

— Фэйфэй сделает дело, чтобы помочь людям, а потом просто не даст никому узнать, что это сделал Фэйфэй!

Тогда никто не будет доставлять Фэйфэю хлопот. Малыш прищурил свои большие глаза, гордясь своей сообразительностью.

И дядя с ним согласился. Он коснулся кончика его носика и сказал:

— Фэйфэй прав, просто не нужно, чтобы другие знали.

— Это называется «делать добро и не ждать славы», нас этому в садике учили, — малыш погладил своего Панпана. — Панпан, ты согласен с Фэйфэем?

— Мяу~, — рыжий котёнок дёрнул хвостом.

— Дядя знает, что Фэйфэй — хороший ребёнок, — ответ Фэйфэя не удивил Линь Цзинли.

В этот вечер на личной странице Вэнь Цюя внезапно появилось новое сообщение.

«Рылся на свалке и неожиданно наткнулся на сокровище. Это, пожалуй, моя самая большая находка за последние несколько лет». К этой фразе была прикреплена небольшая аудиозапись.

Свалка, о которой говорил Вэнь Цюй, на самом деле так не называлась. Её английское название было «Шеар» — «делиться». На этот сайт можно было загружать любую законную информацию и делиться ею со всеми.

Но из-за того, что контент на сайте был очень разношёрстным, некоторые пользователи в шутку называли свой сёрфинг по сайту «поиском сокровищ на свалке».

«Шеар» был довольно крупным сайтом в стране С. Владелец сайта с юмором относился к этому прозвищу и даже публично заявлял, что «свалка» — довольно забавное название. Со временем это прозвище стало даже более известным, чем настоящее имя сайта.

Вэнь Цюй и раньше имел привычку «рыться на свалке», так что его подписчики не удивились.

Но... нажав на плей, они услышали детскую песенку.

«Twinkle, twinkle, little star, how I wonder what you are...»

Простая мелодия, легко запоминающиеся слова — всем известная «Звёздочка».

Те, кто сначала подумал, что Вэнь Цюй выпустил новое произведение, были немного озадачены.

«Взломали?»

«У этого хакера довольно специфический вкус. Не сливает данные, а постит детские песенки».

«Надо сказать, эта “Звёздочка” звучит довольно мило, хоть и немного фальшиво».

«Не будьте так строги, это же ребёнок поёт. Голос просто прелесть, тётушка хочет обнять».

«В этой песне... если прислушаться, есть что-то интересное».

Сначала пост Вэнь Цюя не привлёк особого внимания, его слушали в основном те, кто был на него подписан.

Но когда наступила глубокая ночь, и те, кто случайно услышал эту песню и решил использовать её как колыбельную...

<http://bllate.org/book/13654/1594782>